

Сергей Плахотников,
педагог-психолог,
директор Хорошевецкой прогимназии, г. Москва

«А ПОМНИШЬ?»

Семейный альбом как выход из возрастных кризисов и критических ситуаций

«...Я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым. Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело, но взрослые за них наказывают...»

Августин Блаженный. Исповедь

«Старшие внушают младшим ценностные суждения, не потому что верят в них сами, а потому, что "это полезно обществу". Сами они от этих суждений свободны. Их дело – контролировать выполнение правил, а не следовать им».

Клайв Льюис. Человек отменяется

Когда мы гуляем по лесу, то вряд ли обращаем внимание на то, как выстраиваются **отношения между поколениями** деревьев. Чаше мы смотрим под ноги, высматривая грибы или ягоды, а вовсе не вверх. Если же посмотрим вверх, то скорее всего увидим густые кроны взрослых деревьев, которые охраняют лесные дебри от проникновения прямых лучей солнечного света.

Молодая поросль в таких местах хилая и мало способна к полноценной самостоятельной жизни. Молодняк кучкуется там, где взрослых поменьше, **где больше света**: на опушках или по краям редких полян.

Внимательные грибники очень любят такие места: именно там можно найти редкий благородный гриб. В чащобах же растут всё больше тонконогие опята...

Порой та или иная ситуация кажется действительно критической. Не оттого ли, что мы, взрослые, не признаём возрастные границы? Не оттого ли, что интересы и чаянья своего теперешнего возраста переносим на детей? Но не беспамятные же мы! У нас ведь есть богатые личные воспоминания, которые могут оградить и нас, и наших детей от кризисов и помочь разным поколениям понять друг друга.

СЛУЧАЙ В ПЕСОЧНИЦЕ

Странным образом складываются отношения поколений в нашей повседневности. Конструктивность уходит из жизни, уступив место взаимным претензиям.

– Ну-ка, попроси у девочки прощения, – говорит молодая мама своему четырёхлетнему сынишке, который, играя в песочнице, вдруг ни с того ни с сего толкнул соседку.

Сынишка молчит и смотрит исподлобья.

– Проси прощения! – настаивает мама.

Сынишка сопит и ни за что не соглашается просить прощения...

Заканчивается всё это в лучшем случае тем, что мама в раздражении вытягивает сына за руку из песка, яростно собирает формочки и увланивает ревущего дитяню домой.

Кто-то сокрушённо скажет: мол, критический возраст, в три года дети становятся упрямыми и неуправляемыми, закатывают скандалы на пустом месте и т.д.

Действительно, к четырём годам ребёнок открывает для себя целое **поле возможностей**. Освоив массу новых движений: по-разному висеть на спортивном комплексе, открывать двери и крышки, разворачивать конфеты и свёртки, доставать из баночки витамины, спускать в туалете воду, переключать телевизионные каналы и т.д., – и обретая тем самым долгожданную самостоятельность, ребёнок пускается в борьбу за инициативу.

Если раньше проявление активности было связано лишь с конкретным действием, то теперь во власти ребёнка может оказаться целая сложно организованная ситуация. «Есть ли у меня план, мистер Фикс?» – задаётся вопросом герой детского мультфильма. Так вот, у четырёхлетки **план есть всегда**. Наличие же плана свидетельствует о его предприимчивости. И ничего, что малыш включает в своё предприятие только других, частенько забывая о себе, безраздельно веря в личную правоту.

Правота же его покоится на подражании взрослому. Хотя мама с папой или нет, но поведение ребёнка определяется в этом возрасте близкими людьми. Иными словами, мир открывается для четырёхлетки в лучшем его проявлении, а именно, со стороны чаемой личной автономии. Поступая, «как надо» или «как принято», ребёнок включается в творческий процесс строительства новых жизненных ситуаций.

Так в чём же кризис? Неужели взрослое «надо» настолько бесчеловечно, что должно находиться в противоречии с детским «хочу»? Неужели необходимое послушание неминуемо влечёт за собой переживание кризиса?

МАМИНЫ ИНТЕРЕСЫ

Ситуация песочницы имеет ещё одну интересную сторону. Дело в том, что не только сынишка находится в определённом возрасте, но и двадцатипятилетняя мама переполнена не менее актуальными переживаниями. Молодость – пора долгожданной близости, которую человек обретает в семье. Близость же покоится на прочном основании ещё теплящейся любви, не переросшей в привязанность, и на потребности в заботе о другом потерять себя, свою становящуюся индивидуальность.

Молодая мама, лишённая возможности профессионального роста, значительно перерабатывает в домашних условиях. Труд домохозяйки тяжёл за счёт его однообразия и отсутствия коллег по цеху. Наличие же на кухне бабушки, охваченной заботой об упорядочении всего и вся, может только усложнить жизнь молодой мамы. Стариковское **«так не делают»** подливает

масла в огонь возможного недовольства мамы жизнью и желания уличить молодого супруга в растущем дефиците заботы.

Молодая мама хочет не только признания своей значимости, но и конкретных действий, связанных с этим признанием. Она готова простить мужа за невнимательность, но при одном условии – чтобы он повiniлся, *осознал*. В худшем случае ей остаётся только передвигать мебель и клеить новые обои.

«Попроси прощения», – требует мама. Но что такое *прощение* для четырёхлетнего сынишки?

Старшие подростки, вспоминая, сколько раз им приходилось просить прощения у взрослых, отмечали, что никогда не понимали смысла этого действия. Актуальность же прощения возникла лишь теперь – при переходе в юность. Тогда же, стоя в углу и не переживая свою вину, они решались попросить прощения лишь для того, чтобы **избежать наказания**. По сути же прощения не получали, поскольку не чувствовали в нём необходимости.

Смысл акта прощения потаён в нашей религиозности. Прощение связано с *упрощением* отношений между людьми, с *превращением* жизни. Раз в году христиане имеют возможность попросить друг у друга прощение в последнее воскресенье перед началом Великого поста. И если для малышек этот акт – лишь игра, перерастающая в баловство, то старшие подростки относятся к нему более осмысленно и серьёзно. Необходимое условие для прощения – это не столько чувство вины и стыда за совершённое, сколько *сокрушение* или *раскаяние*. При этом по-настоящему простить может далеко не всякий – это дар от Бога.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ

Конфликт поколений становится провокацией со стороны цивилизованного образа жизни, который не учитывает необходимости взаимопроникновения поколений, а лишь размежёвывает их, обозначая **границы возрастов** для пущей лёгкости потребления. Телепузики – для малышек, Пепси – для нового поколения, се-

Фотографии Д. Давыдова

риалы – для пенсионеров. Так расставляет акценты цивилизация, провоцируя или борьбу за пульт управления телевизором или разбредание по разным комнатам.

И, действительно, телепузики сделаны настолько профессионально, что интересны лишь тем, для кого созданы. Именно поэтому они снискали столько отрицательных отзывов со стороны старших, которые не находят в персонажах этой детской передачи глубины образов и намёка на подтекст, которые есть, к примеру, в «Винни-Пухе» или «Крокодиле Гене». Телепузики слишком хорошо и добротны *сделаны*. То же можно сказать и про сериалы. Они хорошо сделаны и подогнаны под практические цели своих создателей и потребителей. Нынче существует **дефицит мест**, где люди разных поколений могли бы найти общий язык и взаимопонимание.

Когда молодая мама приведёт домой плачущего сына, бабушка всплеснёт руками и прочтёт нотацию о том, что ребёнку вредны стрессы, что, мол, в одном журнале она читала... И так будет всякий раз, пока не наступит согласие. Пока старшие не признают право младшего на автономию и не научатся **избегать бессмысленного морализаторства**, не найдут личных ресурсов для проявления детской инициативы. Пока молодая мама не отыщет своего материнского интереса и не воздержится от переноса взрослых отношений на отношения с ребёнком. Пока более сильное поколение не научится сносить немощи бессильного.

Американский психолог Эрик Эриксон в порыве излишней мечтательности отмечал: «Здоровые дети не будут бояться жизни, если окружающие их старики обладают достаточной целостностью, чтобы не бояться смерти». Эта психологическая максима не может стать руководством к действию, поскольку невозможно старика, не обретшего целостность, укоренить в мудрости и бесстрашии перед смертным часом, но возможно признать стариковское право на ворчание, увидев в бабушке или дедушке своё возможное будущее.

Ситуация в песочнице кажется безнадёжной и действительно критической. А всё от того, что не признаются возрастные границы. Интересы и чаянья одного возраста переносятся на другой. Но у нас же есть память, **богатые личные воспоминания**, которые могут обеспечить необходимое взаимопроникновение поколений.

«КАК ПАПА БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ»

Воспоминания – это важнейший ресурс осуществления семейственности и сохранения прав всех поколений на актуальные возможности.

Рассматривая **семейные альбомы**, мы приобретаем необходимый опыт принятия младших членов семьи с их чаяньями и открытиями.

– Это я, – говорит папа и показывает на маленького мальчика, сидящего на яблоне.

Что в этот момент понимает малыш, которому ничего не остаётся, кроме как поверить в невозможное?

– Папа, ты был маленьким мальчиком и лазал по деревьям?

Подобное признание сближает. Сближают и возможные подробности, которые папа не побоится озвучить в присутствии малыша.

Фотографии из архива В.Сухарева

– Бабушка мне часто рассказывает о том, как мама была маленькой. Это очень интересно. Мама была такая же, как я, – призналась четырнадцатилетняя девочка, у которой назревал домашний скандал.

Но смелости для разрешения конфликта ей придали именно бабушкины воспоминания и открытие того, что мама была **совсем такой же, как она сама**.

Часто наши дети (да и мы сами) просим старших рассказать нам о нас самих. С чем это связано? Старшие поколения хранят бесценные знания, связывающие семью общим опытом жизни. И чем реже старики передаются воспоминаниям, тем тоньше нити, связывающие членов семьи. Если в семье преобладает стариковское отчаяние, а у молодых – переживание одиночества и изоляция, если дети несамостоятельны и подавлены чувством вины, то настало время для воспоминаний. Кто-то должен сделать первый шаг.

Кто, как не мы сами, вспоминая своё детство, даём оценку тем или иным своим поступкам. Кто, как не мы, судим о превратностях собственной судьбы, ища опоры в событиях детства. Начиная со слов «А помнишь?», дети выпытывают у своих родителей обстоятельства и подробности тех или иных действий, которые совершили как бы не в этой жизни.

И действительно, кто сегодня будет серьёзно переживать за воровство в шестилетнем возрасте или за ложь в подростковом? Несомненно, эти поступки откладывают отпечаток в памяти, они переходят в ранг детских впечатлений и как-то влияют на наше настоящее, но чувство вины возникает у нас в связи с поступками жизни нынешней.

В английском языке есть **интересный феномен**: когда мы показываем свои фотографии, принято говорить про себя не *я* – *I*, а *меня* – *me*, подчёркивая свою нынешнюю пассивность в отношении к человеку, запечатлённому на снимке.

Рассматривая свои детские фотографии, мы не узнаём себя, мы лишь знаем, что это мы. Тот ребёнок на фотографии слишком сильно отличается от меня нынешнего: у него другое мировоззрение, другие ценности, другая логика, поэтому странно судить о нём и давать ему оценку, исходя из моих нынешних представлений о должном. Мне всё же необходимо сделать **поправку на возраст**. А если так, если мы находим слова оправдания для самих себя, то почему требуем от своих детей подчинения правилам, которые не соответствуют их возрасту?

Один семнадцатилетний подросток, наркоман с двухлетним стажем, в течение часа с помощью психотерапевта пытался вспомнить хоть какое-нибудь **хорошее событие** из своего детства. В конце концов он рассказал о том, как в возрасте пяти лет научился кататься на велосипеде, как мама отпускала его, а папа ловил. Все остальные случаи из жизни сложились в цепочку недоразумений. Этот печальный факт оскудения событийной насыщенности жизни может послужить нам предупреждением. С уходом из жизни семьи значительных событий и личных удач уходит **ощущение защищённости** человека в семье, и жизнь действительно превращается в череду неминуемых критически трудных возрастов.

Кризис – это не объективная реальность, данная нам в ощущениях. Это следствие нашей недалёковидности и нашего беспамятства.

